„Прсв 38“

Проф. А. Будиловичъ.

О причинахъ гибели балтійскаго славянства.

(Публичная лекція, читанная 13 февраля 1898 г.)

За тысячу лѣтъ передъ симъ все южное побережье Балтійскаго моря, на протяженіи отъ Вислы до Эльбы, вплоть до большой Сѣверогерманской долины, было заселено славянами. Раздѣленные на много вѣтвей, извѣстныхъ въ исторіи подъ именами: вагровъ, бодричей, лютичей, поморянъ и др., славяне эти составляли особую, именно балтійскую группу племени ляшскаго, близко родственную полякамъ. Упоминаніе о нихъ встрѣчается и въ нашей „Начальной Лѣтописи“, гдѣ между прочимъ читаемъ:

> „А отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне; ляхове друзии — лутичи, ини — мазовшане, ини — поморяне.“

О многочисленности балтійскихъ славянъ можно заключать по обширности занимаемой ими встарь территоріи, обнимавшей Голштинію, Мекленбургъ, Померанію, часть Ганновера, Бранденбурга и Зап. Пруссіи, а также по множеству славянскихъ названій для населенныхъ мѣстъ, озеръ, рѣкъ, холмовъ, урочищъ этой территоріи, сохранившихся отчасти въ древнихъ лѣтописяхъ и актахъ, отчасти же въ живой памяти нынѣшнихъ жителей названныхъ областей. Тоже доказываетъ военная сила балтійскихъ славянъ, отмѣченная въ древнихъ свидѣтельствахъ объ ихъ столкновеніяхъ то съ нѣмцами, то со скандинавцами, то съ сосѣдними славянскими народами.

Библиотека Коммунистической Академии.
0102
35.

Серединный городъ балтійскихъ славянъ Юлинъ или Волынъ, иначе Винета, а въ пѣсняхъ Эдды Іомсбургъ, въ свое время былъ очень извѣстенъ въ сѣверной Европѣ, какъ рынокъ, на которомъ собирались произведенія не только мѣстной промышленности, но и привозныя изъ странъ сѣверныхъ, западныхъ и восточныхъ, такъ что по торговой своей роли онъ является какъ бы предтечею Любека, Гамбурга, Амстердама. Но кромѣ Волына много было въ этой странѣ и другихъ важныхъ городовъ, которые уже своими именами: Старгардъ (Oldenburg), Велегардъ (Mikilinburg), Бѣлгардъ и т. д. указываютъ то на свою древность, то на прежній блескъ и величіе. Очень извѣстны были въ средневѣковой сѣверной Европѣ и города: Штетинъ, Звѣринъ (нын. Schwerin), Гданскъ (Danzig), затѣмъ Аркона на одномъ изъ мѣловыхъ мысовъ о. Рюгена (Руяны), Ретра или Радигощъ въ Мекленбургѣ и н. др. Арконскій храмъ Святовита, наряду съ ретранскимъ — Радигоста и штетинскимъ — Триглава были главными религіозными святынями балтославянъ. При храмахъ этихъ группировалось могущественное жреческое сословіе, имѣвшее здѣсь важное значеніе; ибо нигдѣ въ славянскихъ земляхъ язычество не получило столь широкаго развитія, какъ у балтославянъ, быть можетъ не безъ нѣкотораго вліянія сосѣднихъ скандинавскихъ народовъ.

Хотя отъ балтославянъ не осталось лѣтописей и живыхъ народныхъ преданій, такъ что изучать ихъ бытъ и быль приходится главнымъ образомъ по германскимъ историческимъ источникамъ, тѣмъ не менѣе и въ этомъ — довольно мутномъ — отраженіи балтославяне представляются во многихъ отношеніяхъ народомъ очень симпатичнымъ: добродушнымъ, честнымъ въ семейной и общественной жизни, гостепріимнымъ, свободолюбивымъ и удалымъ въ войнахъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ.

Само собою понятно, что такая многочисленность балтійскаго славянства, обширность занятой имъ территоріи, его

громкая извѣстность, боевая слава, торговое развитіе и вообще извѣстная культурность не могли быть плодомъ кратковременнаго развитія. Наоборотъ, уже для IX в. мы должны предполагать вѣка болѣе или менѣе культурной обстановки и жизни этого племени. Это и подтверждается ранними упоминаніями о немъ, напр. разсказомъ Θеофилакта (подъ 590 г.) о трехъ славянскихъ плѣнникахъ, ѣздившихъ послами къ аварскому хану и бѣжавшихъ отъ него къ грекамъ при имп. Маврикіи, съ гуслями вмѣсто оружія: славяне эти разсказывали грекамъ, что ихъ соплеменники, живущіе у береговъ Зап. Океана, не имѣютъ оружія, ибо ихъ земля не производитъ де желѣза. Есть и болѣе древнія свидѣтельства (у Іорнанда, Птоломея, Тацита, Плинія и др. древн. писателей) о венедахъ, жившихъ по Балт. морю или Венедскому заливу, такъ что не представляется совершенно невѣроятною гипотеза объ автохтонности славянъ на этой территоріи, по крайней мѣрѣ со времени распространенія въ ней арійцевъ. Этой гипотезѣ не противорѣчитъ фактъ передвиженія чрезъ балтославянскія земли на югозападъ готовъ и др. германскихъ дружинъ, въ первые вѣка нашей эры, такъ какъ это могла быть преходящая волна, не оставившая въ странѣ особенно прочныхъ послѣдствій.

Необходимо еще отмѣтить, что балт. славянство въ въ IX—X вв. не было обособленнымъ членомъ племенного цѣлаго, а наоборотъ — живой его вѣтвью, связанной съ прочими родичами и на востокѣ, гдѣ къ нему непосредственно примыкала польская вѣтвь того же ляшскаго племени, и на югѣ, гдѣ черезъ серболужичанъ балтославяне соприкасались съ чехоморавами, словаками, словинцами и др. южными вѣтвями. На сѣверовостокѣ же балт. славяне очень рано вступили въ торговыя сношенія съ Новгородомъ, вѣроятно и другими нашими сѣверозападными русскими центрами, проложивъ туда пути для позднѣйшихъ русскоганзейскихъ сношеній и отношеній.

А между тѣмъ, если мы взглянемъ теперь на области,

гдѣ еще 800—900 л. тому назадъ держались балт. славяне, повидимому, такъ прочно, то ничего славянскаго тамъ не найдемъ, кромѣ небольшого кашубскаго островка, близъ устьевъ Вислы, съ населеніемъ въ 180—200,000 душъ. Въ другихъ частяхъ этой территоріи уцѣлѣли лишь славянскія могилы, искаженныя нѣмцами названія городовъ, озеръ, рѣкъ, урочищъ, быть можетъ и нѣкоторая примѣсь славянской крови въ жилахъ населеній Голштиніи, Мекленбурга, Помераніи, да историческія воспоминанія. Поэтическимъ символомъ этой гибели цѣлаго племени является мѣстная легенда объ исчезнувшемъ — якобы въ морскихъ волнахъ — городѣ Винетѣ, котораго развалины виднѣются де на днѣ моря, близъ острова Волына.

Но какъ могла постигнуть подобная катастрофа цѣлый и довольно большой народъ, притомъ въ такое короткое время, на глазахъ исторіи, если донынѣ уцѣлѣли остатки напр. кельтизма въ Валисѣ и Бретани, иллиризма въ Албаніи, Эпирѣ, Ливадіи, романизма въ Семиградіи, Банатѣ, Румыніи, литовцевъ и латышей на нижнемъ Нѣманѣ и Двинѣ, басковъ въ Пиренеяхъ, эстовъ, чухонцевъ, самоѣдовъ, мадьяръ и др. мелкихъ чудскихъ народностей въ сѣверной Россіи и Австро-Венгріи?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже давно озадачивалъ историковъ, такъ что по нуждѣ сочинена даже была особая теорія о прагерманизмѣ указанныхъ областей, по которой славяне были здѣсь позднѣйшими пришельцами и составляли въ началѣ среднихъ вѣковъ лишь господствующій надъ нѣмцами слой населенія, изъ подъ котораго впослѣдствіи опять выдвинулись и восторжествовали германскіе автохтоны. Но въ настоящее время эта гипотеза уже оставлена, такъ какъ она не подтвердилась болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ относящихся сюда лѣтописей, актовъ, мѣстныхъ названій и матеріальныхъ остатковъ старины. Теперь достаточно разъяснено, что германизація этихъ областей была постепенно подготовлена и проведена поли-

тикою нѣмецкихъ императоровъ, маркграфовъ, герцоговъ, при содѣйствіи папъ, монастырей, нѣмецкаго рыцарства, бюргерства и крестьянъ-колонистовъ.

Я не стану теперь останавливаться на разныхъ перипетіяхъ великой славянской борьбы за обладаніе южнымъ побережьемъ Балтики, — борьбы, которая продолжалась болѣе 400 л. и закончилась въ общихъ чертахъ къ концу XII и началу XIII вв. Отмѣчу лишь, что борьба эта носила очень ожесточенный, нерѣдко трагическій характеръ и что главные эпизоды ея связаны съ именами императоровъ Карла В., Оттона I, Фридриха I Гогенштауфена, а также маркграфовъ Герона, Биллинга, Альбрехта Медвѣдя и Генриха Льва. Закончившись къ XII в. на почвѣ политической, она продолжалась еще нѣсколько столѣтій въ области соціально-экономической, причемъ остатки балтославянскихъ населеній все болѣе превращались въ паріевъ и нищихъ, все болѣе оттѣсняемы были изъ городовъ въ захолустья, лѣса и болота, пока наконецъ они не исчезали въ нуждѣ и не всасывались привиллегированнымъ нѣмецкимъ элементомъ. Послѣднее эхо славянской рѣчи можетъ быть констатировано по источникамъ: для г. Штетина въ 1230 г., для о. Рюгена въ 1404 г., для Старой Марки въ XV в., для Залабья (въ Ганноверѣ) до 1798 г. (древанское нарѣчіе); наконецъ въ Помераніи, какъ упомянуто, и теперь кашубы говорятъ на языкѣ балтославянскомъ.

Въ чемъ же заключались внутреннія причины столь глубокаго паденія балт. славянъ съ высоты, какую они занимали еще въ XI и XII вв.?

Насколько можно судить по сохранившимся источникамъ, причины эти заключались, главнымъ образомъ, въ племенныхъ особенностяхъ балт. славянъ. Подъ таковыми я разумѣю не тѣ физическія ихъ свойства, на которыя иногда ссылались нѣмецкіе антропологи и этнологи, какъ на доказательство малой даровитости этого „короткоголоваго“ племени, въ сравненіи съ „длинноголо-

вымъ“ германскимъ, а наоборотъ, нѣкоторыя психическія ихъ особенности, въ силу которыхъ славяне эти, подобно ихъ ближайшимъ родичамъ полякамъ, а отчасти сербамъ и нашимъ малорусамъ, представляютъ типъ болѣе увлекающійся, мечтательный, легкомысленный, чѣмъ болѣе положительные соплеменники ихъ: чехи, болгары, великорусы. Сходство балт. славянъ съ поляками, столь очевидное на звуковомъ строеніи рѣчи тѣхъ и другихъ, основанномъ на ринезмѣ, отражается и на многихъ условіяхъ ихъ жизни. Подобно мазурамъ и великополякамъ, прибалтійцы жили главнымъ образомъ въ низинахъ, въ странѣ болотъ, рѣкъ, озеръ, на почвѣ вообще легкой, отчасти песчаной. Только мореходствомъ они занимались гораздо больше поляковъ; но это обусловлено размѣщеніемъ послѣднихъ на территоріи, отрѣзанной отъ моря землями литовскими и балтославянскими. Напоминаетъ Польшу и пристрастіе балтославянъ къ мѣстнымъ центрамъ, мѣшавшее объединенію ихъ областей въ одно государственное цѣлое. Даже польское liberum veto находитъ для себя нѣкоторую аналогію въ вѣчахъ или сеймахъ балтославянъ, гдѣ дѣла обыкновенно рѣшались не большинствомъ голосовъ, а единогласно. Какъ у поляковъ, такъ и у балтославянъ значеніе монархической власти было всегда парализуемо то жречествомъ (напр. у лютичей и рановъ), то знатью (у бодричей и поморянъ), то раздорами князей-родичей, напоминающими удѣльныя смуты въ Польшѣ, отчасти и другихъ славянскихъ странахъ. Даже въ типахъ балтославянскихъ князей, сохраненныхъ исторіей X—XII вв. замѣчается та страсть къ чужеродному (чужебѣсіе), непостоянство, валленродизмъ, которые такъ характерны для высшаго польскаго общества и такъ эпически воспѣты Мицкевичемъ.

Такъ уже при Карлѣ В. бодрицкій князь Дражко изъ-за подарковъ сталъ вассаломъ Имперіи, въ пользу которой не разъ измѣняли потомъ своей родинѣ и его сыновья

Славомиръ и Чедрагъ. Во второй половинѣ X в. такимъ же измѣнчивымъ нравомъ отличался бодрицкій кн. Мстивой, а въ XI в. — Готшалкъ: послѣдній, будучи воспитанъ въ латинскомъ христіанствѣ, потомъ измѣнилъ ему, а впослѣдствіи открылъ свой край настежь для нѣмецкихъ вассаловъ, за что онъ былъ наконецъ убитъ своими языческими подданными (въ 1066 г.). Его же сынъ Генрихъ († 1119), повидимому не непричастный убіенію своего предмѣстника кн. Крута, ставъ бодрицкимъ княземъ, дѣйствовалъ въ союзѣ съ саксами противъ своихъ языческихъ подданныхъ, нѣсколько напоминая своимъ характеромъ даровитую, но шаткую въ нравственномъ отношеніи личность Святополка Великоморавскаго. И князь Никлотъ (уб. въ 1160 г.) то служилъ нѣмцамъ (гр. Адольфу Голштинскому), то воевалъ съ ними, то опять поклонялся герцогу (Генриху Льву); а сынъ его Прибиславъ то воевалъ съ Генрихомъ Львомъ (1164), то служилъ ему вассаломъ. Отмѣчу вскользь, что князь этотъ сталъ основателемъ удержавшейся донынѣ мекленбургской династіи, члены которой еще въ XV в. гордились своимъ происхожденіемъ de regia stirpe, de principibus slavorum, хотя по убѣжденіямъ и дѣятельности они были уже тогда германизаторами, подобно многимъ князьямъ Вартославичамъ въ Помераніи, Пястовичамъ въ Силезіи, Премысловичамъ въ Чехіи.

Были конечно и между балтославянскими князьями характеры цѣльные, напр. кн. Крутъ (во 2-ой полов. XI в.), который, подобно Болеславу Храброму въ Польшѣ, лѣтъ 30 энергически отражалъ саксовъ изъ своего г. Бука (позднѣйшаго Любека). Но, какъ выше упомянуто, ему пришлось погибнуть объ ножа убійцы, не безъ вѣдома и соучастія его жены Славины.

Указанными недостатками въ характерѣ балтославянскихъ князей объясняется и шаткость ихъ политики, за все время самостоятельной государственной жизни бал-

тійскихъ славянъ. Отдѣльныя ихъ вѣтви не только не могли собраться воедино, но обыкновенно враждовали другъ съ другомъ и нерѣдко помогали нѣмцамъ или датчанамъ въ разгромѣ сосѣднихъ славянскихъ колѣнъ. Особенно враждебны были отношенія между двумя главными вѣтвями этого славянства: бодричами и лютичами, изъ коихъ первые ранѣе подчинились нѣмецкому вліянію, благодаря мѣстнымъ князьямъ-ренегатамъ, тогда какъ вторые упорнѣе охраняли свою старину, подъ руководствомъ жрецовъ, группировавшихся при храмахъ Ретры, Штетина, Арконы. Только въ борьбѣ съ нѣмцами въ 983—995 гг. бодричи и лютичи держались дружно. То же отчасти повторилось въ концѣ XI и началѣ XII вв. при управленіи князей Готшалковичей, успѣвшихъ на время объединить заодранскія вѣтви балтославянъ.

Довольно сепаратистическое положеніе занимали въ этой борьбѣ и ране (жители о. Рюгена), которые, будучи сосѣдями скорѣе датчанъ, чѣмъ нѣмцевъ, нерѣдко помогали послѣднимъ противъ первыхъ и вообще не разъ измѣняли народному дѣлу, отчасти и изъ-за взаимнаго соперничества жрецовъ Арконы и Ретры.

Если мы обратимся затѣмъ къ антагонистамъ балтійскихъ славянъ, нѣмцамъ, то увидимъ, что въ ихъ племенныхъ особенностяхъ и историческихъ соотношеніяхъ были на лицо всѣ данныя для конечнаго торжества надъ этой окраинной вѣтвью славянства.

Изъ среды нѣмецкихъ племенъ главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ пришлось, въ силу географическаго расположенія, быть саксамъ. Саксы же, по сравненію не только съ франками, но и съ швабами, являются въ исторіи и современности самымъ тягучимъ, стойкимъ, непреклоннымъ — въ своемъ флегматическомъ хладнокровіи и упорномъ трудолюбіи — нѣмецкимъ племенемъ. Вѣковой консерватизмъ саксовъ былъ отчасти обусловленъ и ихъ автохтонностью на территоріи между

Эльбой и Рейномъ, удостовѣряемою Тацитомъ, Цезаремъ и др. древними писателями. Суровый климатъ этой области наложилъ свой отпечатокъ на серьезный типъ сакса; скудная природа торфяныхъ болотъ и песчаныхъ дюнъ закалила настойчивость въ трудѣ; близость моря вызывала на борьбу съ нимъ, развивала рѣшительность, предпріимчивость. Это та самая раса, которая основала Великобританское и Голландское государства и колонизовала Сѣв. Америку, ибо между саксами, англами, фризами, фламандцами разница и теперь не велика, а встарину она была еще меньше. Лишь въ области язычно-литературной саксы не играли такой роли, какъ франки и швабы, вслѣдствіе чего въ нижней Германіи господствуетъ донынѣ языкъ верхненѣмецкій, правда, въ обработкѣ саксонца Лютера. Но съ другой стороны нельзя не отмѣтить, что на почвѣ нижненѣмецкой или саксской развились языки голландскій и англійскій и что plattdeutsch донынѣ господствуетъ въ нѣмецкомъ флотѣ и во всѣхъ нѣмецкихъ портахъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей, вплоть до Риги, куда онъ былъ принесенъ ганзейцами и колонистами нижненѣмецкаго происхожденія.

На почвѣ саксскаго племенного типа выработались тѣ характеры, которые воплощаются въ историческихъ образахъ Генриха I и Оттона I, Герона (изъ швабовъ) и Биллунговъ, Альбрехта Медвѣдя (изъ швабовъ) и Генриха Льва, впослѣдствіи же многихъ государей дома Гогенцоллерновъ вплоть до Фридриха II. Типъ этотъ получилъ очень вѣрное изображеніе въ нижненѣмецкой исторической поэмѣ Rheineke Fuchs, столь извѣстной въ переработкѣ Гете: волкъ и лиса этой поэмы прекрасно отражаютъ характеры древнихъ, отчасти и новыхъ саксскихъ князей, рыцарей, монаховъ, купцовъ.

Но независимо отъ выдающихся свойствъ саксскаго племени, его торжество надъ балт. славянами въ немалой мѣрѣ обусловлено было и культурными отношеніями саксовъ,

а прежде всего тѣмъ, что еще Карлъ Великій включилъ ихъ въ могущественную политическую организацію, которая подъ разными именами: Римская имперія, Священная римская имперія нѣмецкой націи и т. п. просуществовала тысячу лѣтъ и возродилась на нашихъ глазахъ въ имперіи Гогенцоллерновъ. Правда, связанныя съ идеей этой Имперіи заботы объ Италіи не разъ отвлекали ея вниманіе и силы отъ дѣлъ саксскихъ, бранденбургскихъ, померанскихъ и т. д. на романскій югозападъ. Но взамѣнъ того Италія, въ частности же папскій Римъ оказали нѣмцамъ тысячи услугъ въ ихъ борьбѣ со славянствомъ вообще, а за балтійское поморье въ частности. Римъ парализовалъ мѣстныя честолюбія нѣмецкихъ іерарховъ, которыя могли бы привести къ образованію нѣмецкихъ патріархатовъ и слѣд. къ іерархическому распаденію нѣмецкаго племени; Римъ помогъ Карлу В. и Оттону I образовать цѣлую серію нѣмецкихъ епископатовъ въ краяхъ балтославянскихъ, каковы напр. епископаты Магдебургскій, Бремено-Гамбургскій, Старгардскій, Гавельбергскій, Бранденбургскій и др., которые приняли столь дѣятельное участіе въ латинизаціи, а затѣмъ германизаціи балтославянскихъ областей; Римъ наслалъ на эти области цѣлую тучу латинонѣмецкихъ монаховъ, особенно премонстратовъ и цистерціанцевъ, которые покрыли ихъ нѣмецкими колоніями, вплоть до Вислы и далѣе, до Двины и Наровы; Римъ организовалъ и крестовые походы, которые направлены были не только на грекоарабскій, но и на славянскій Востокъ, между прочимъ въ страны балтославянскія (въ 1147 г.), а потомъ и въ литовскорусскія. Въ учрежденіяхъ „Римской имперіи нѣмецкой націи“ коренятся и феодальныя отношенія Запада, довольно рано перенесенныя въ сѣверовосточныя марки этой имперіи и образовавшія на славянской почвѣ плотный нѣмецкій слой, закрывшій прежнюю знать славянскую или претворившій ее въ своеобразный типъ позднѣйшаго прусскаго и вообще сѣверонѣмецкаго юнкерства. Феодализмъ же

опредѣлилъ тѣ экономическія и особенно аграрныя отношенія, которыя вызвали, съ XII в., огромную эмиграцію изъ областей прирейнскихъ и привезерскихъ въ земли полабскоприбалтійскія, — эмиграцію, совершенно измѣнившую со временемъ составъ и строй какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ въ этихъ краяхъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ и по какимъ причинамъ произошла постепенная германизація балтійскаго побережья. Если вдуматься въ историческую обстановку этого процесса и въ громадное неравенство силъ въ племенной борьбѣ, гдѣ съ одной стороны дѣйствовала самая стойкая изъ вѣтвей нѣмецкаго племени, при содѣйствіи всѣхъ его силъ, объединенныхъ Римской имперіей, Римской церковью и западнымъ феодализмомъ, съ другой же — все болѣе и болѣе изолируемый осколокъ славянства, разбитый самъ въ себѣ и оставленный на произволъ судьбы даже ближайшими родичами, именно поляками и чехами, которые нерѣдко еще помогали нѣмцамъ въ порабощеніи балт. славянъ (напр. въ крестовомъ походѣ 1147 г.), — притомъ такой осколокъ, до котораго вліяніе грекославянской церкви, славянской письменности и вообще образованности либо вовсе не доходило, либо доходило въ самомъ глухомъ отраженіи: то придется удивляться не тому, что эта вѣтвь ляшскаго племени погибла въ XIII—XIV вв., а скорѣе тому, что она могла въ теченіе 400 лѣтъ выдерживать борьбу со всѣмъ почти латиногерманскимъ міромъ.

Какія накопились тогда силы въ средѣ нѣмецкаго, главнымъ образомъ саксскаго племени и какъ выгоденъ былъ для дальнѣйшаго ихъ примѣненія и развитія разгромъ государствъ и народностей балтославянскихъ, это видно изъ исторіи Ганзы и Ордена, а позднѣе Бранденбурга. Возникновеніе первой во 2-ой половинѣ XII в. не случайно совпало по времени съ упадкомъ балтославянъ, онѣмеченные города которыхъ, именно: Любекъ, Ростокъ, Висмаръ, Штетинъ и н. др., извѣстные въ тѣ вѣка подъ

наименованіемъ венедскихъ (wendische), долго стояли во главѣ этого могущественнаго торговополитическаго союза или синдиката, раскинувшаго сѣть своихъ факторій отъ Кельна, Брюгге и Лондона до Готланда, Юрьева и Новгорода и съ успѣхомъ отстаивавшаго въ XIII—XV отъ королей датскихъ, норвежскихъ, шведскихъ, англійскихъ dominium maris Baltici. При благопріятныхъ условіяхъ Ганза могла сыграть на побережьяхъ этого моря роль, аналогичную англоиндійской торговой компаніи въ Остъ-Индіи; но этому своевременно помѣшали Иванъ III, упраздненіемъ нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, а затѣмъ Густавъ Ваза и Елисавета Англійская, лишившіе этотъ синдикатъ прежнихъ торговыхъ привиллегій въ Швеціи и Англіи.

Не случайнымъ представляется и хронологическое совпаденіе разгрома балтославянъ въ концѣ XII в. съ появленіемъ въ устьѣ западной Двины бременскихъ, любекскихъ и готландскихъ купцовъ и миссіонеровъ, съ голштинскимъ монахомъ Мейнгардомъ, а послѣ него бременскимъ каноникомъ Альбертомъ во главѣ, что положило основаніе утвержденію на долгое время латинонѣмецкаго господства и на восточныхъ побережьяхъ Балтики. Почти въ то же время и при аналогичныхъ условіяхъ произошло занятіе нѣмцами и устьевъ Вислы и Нѣмана, подъ фирмою особаго рода рыцарскотеократической республики, именовавшейся Нѣмецкимъ или Тевтонскимъ орденомъ. Когда въ 1237 г. орденъ этотъ соединился съ нѣмецкимъ же орденомъ Ливонскихъ меченосцевъ, то сомкнулась цѣпь нѣмецкихъ владѣній на южныхъ и восточныхъ побережьяхъ Балтики, начинавшаяся у Киля и простиравшаяся до нашей Наровы. Въ 1242 г. Александру Невскому пришлось уже столкнуться съ нѣмцами на льду Чудскаго озера: не слѣдуетъ ли отсюда, что гибель балтійскихъ славянъ отразилась на дальнѣйшихъ судьбахъ не только сосѣднихъ съ ними славянъ серболужицкихъ и польскихъ, но и от-

даленнаго племени русскаго, слѣд. была катастрофой общеславянскаго значенія?

Къ счастію, дальнѣйшій разливъ германизма на славянскомъ востокѣ съ XV в. былъ нѣсколько задержанъ съ одной стороны побѣдами гуситской Чехіи, съ другой — польсколитовскимъ союзомъ, разгромомъ ордена подъ Танненбергомъ и вообще возвышеніемъ въ XV—XVI вв. государства Польскаго или вѣрнѣе федераціи польсколитовско-западнорусской. Возникновеніе реформаціи также ослабило нѣмецкій натискъ на Востокъ, ибо она разъединила силы племени, лишила его поддержки со стороны народовъ романскихъ, вызвала опустошительныя междоусобныя войны и подрѣзала нервъ нѣмецкой колонизаціи на Востокѣ, тѣмъ болѣе, что это совпало съ открытіемъ Америки, куда направился затѣмъ потокъ эмиграціи не только великобританской, но и нѣмецкой.

Третьимъ важнымъ факторомъ въ этой борьбѣ за господство на побережьяхъ Балтики было постепенное выступленіе на міровую сцену Россіи, со времени сверженія татарскаго ига, объединенія удѣловъ, перенесенія въ Москву идей восточнохристіанскаго царства, побѣдъ Петра Вел. и основанія новой столицы на одномъ изъ заливовъ Балтійскаго моря. Но и Великая сѣверная война была не разрѣшеніемъ, а лишь однимъ изъ этаповъ въ развитіи вѣкового Балтійскаго вопроса, котораго завязка лежитъ въ исторіи балтославянъ, а развязка и теперь еще, послѣ Петра В., Екатерины II, Александра III — скрывается въ будущемъ.

Закончу слѣдующей выдержкой изъ извѣстной элегіи Коллара, посвященной балтійскому славянству:

„Здѣсь предо мною земля знаменитаго нашего рода,
Въ оные дни колыбель, нынѣ могила его.
. . . Гдѣ ты, минувшее время? Какъ ночь позади распростерлась!

Слава какъ дымъ унеслась; образъ позора я зрю.
Вплоть отъ измѣнчивой Лабы до пажитей Вислы коварной,
Съ тихихъ Дуная береговъ къ Балтики шумнымъ валамъ
Несся когда-то языкъ сладкозвучный, богатый и дивный,
Слово могучихъ славянъ: нынѣ умолкло оно!
. . . Гдѣ вы, любезные роды славянъ, въ семъ краю обитавшихъ?
Мирныхъ сорабовъ семья? Вильцевъ могучая вѣтвь?
Гдѣ оботритовъ потомки? Гдѣ внуки воинственныхъ укровъ?
. . . Гдѣ возвышались чертоги гремящаго бога-перуна,
Сбродъ чужеземцевъ теперь ставитъ хлѣва для коровъ,
Между разбитыми пышными сводами; тамъ гдѣ Аркона
Въ прежніе годы цвѣла, Ретры блистало чело,
Бродитъ суровый пришлецъ . . .
Тьмы поколѣній исчезли; низвергнуты храмы и боги;
Лишь неизмѣнно вовѣкъ царство природы одной:
Рѣки, лѣса, города сохранили славянское имя.
Только въ нихъ тѣло славянъ, духа-жъ славянскаго нѣтъ!
. . . О холодно черствое сердце
Путника, если онъ горькой слезы не прольетъ,
Словно надъ прахомъ возлюбленной. Смолкни однако и стихни
Тяжкая скорбь, устреми очи пытливныя въ даль!
. . . То, что пожрала вѣковъ безпощадныхъ несытая бездна,
Можетъ по волѣ небесъ мигомъ воскреснуть и жить.

Оно и должно воскреснуть, но не на яву, а въ исторіи, въ памяти потомства, особенно тѣхъ, кто подобно намъ живетъ на побережьяхъ Балтійскаго моря и слѣдовательно принимаетъ посильное участіе въ теоретическомъ или практическомъ разрѣшеніи древняго, какъ руины Арконы, Балтійскаго вопроса.

Оттискъ изъ „Сборника Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ“ выпускъ I.

Печ. въ тип. К. Маттисена.